

Классика исторической литературы

Казимир Валишевский

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

Валишевский, Казимир.

В15 Иван Грозный / Казимир Валишевский. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с.: ил. — (Серия «Классика исторической литературы»).

ISBN 978-5-17-107811-9

Известный польский историк Казимир Валишевский в своих книгах создал масштабную панораму быта и нравов России XVII–XIX веков, показал жестокую борьбу за трон, не утихавшую на протяжении столетий. Одна из наиболее известных книг К. Валишевского посвящена царю Ивану Грозному — личности многогранной и неоднозначной, до сего времени неразгаданной. Кто он — разумный правитель или лютый безумец? Дальновидный реформатор или мнительный тиран, одержимый жадой абсолютной власти? Несмотря на то, что многие оценки и выводы известного польского ученого сегодня могут показаться спорными, «Иван Грозный», безусловно, заинтересует всех любителей отечественной истории, в первую очередь благодаря огромному количеству малоизвестного фактического материала.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Часть первая

**ЮНОСТЬ
ИВАНА**

Глава 1

Первый русский царь

Рождение Грозного. Правление бояр. Женитьба и венчание на царство. Сильвестр и Адашев. Первый Собор. Русский парламентаризм

I. Рождение Грозного

В день рождения Ивана IV, 25 августа 1530 года, в небе над страной слышались раскаты грома, сверкали молнии. Уже тогда, когда он ребенком впервые зашевелился в материнской утробе, московские войска, сражавшиеся под Казанью, почувствовали необыкновенные мужество и отвагу. Более действенными и достоверными, чем те чудеса, которыми народное предание окружило появление на свет своего государя, были удары, нанесенные в это время всей цивилизованной Европе. В то время там появились Вилкелф и Гус, Лютер и Кальвин.

По всему христианскому миру Запада, на полях братоубийственных войн, на площадях, загроможденных эшафотами, в опустевших храмах, при возмущившихся дворах католики и протестанты, священники и солдаты, князья и крестьяне старались заглушить военным кличем голос свободы, раздавшийся с высоты Вартбурга. Церковь, потрясенная в самом основании, вооружила всех, от нищего монаха до папы, на защиту своих привилегий. Но в Риме,

захваченном немецкими войсками, Священная империя и Франция оспаривали друг у друга светскую власть. На севере реформа послужила первой ступенью для новых династий, утвердившихся на тронах Швеции и Норвегии.

В своем вековом одиночестве Московия оставалась чуждой этому движению. Она его вовсе не знала и только изредка испытывала слабые отзвуки борьбы. Однако время создало некоторые узы между Русью и Западом. Неведомая и презираемая русскими Европа начинала интересоваться своей таинственной соседкой. С XV века, когда уже замечалось в Европе опасное брожение, разрушавшее ее единство и внутреннее согласие, она увидела на горизонте новую опасность: шуму поднявшейся против папства бури отвечал извне, как эхо, грозный голос ислама, готовившегося к наступлению на христианский мир. В страхе перед этой двойной опасностью Рим и Вена, Венеция и Женева искали себе помощи и открыли Москву. Итальянские дипломаты и левантские придворные с этого времени стараются перекинуть мост через пропасть. Женильбой на дочери Палеологов дед Ивана IV вступил, под благословением наместника св. Петра, в семью европейских государей. В 1473 году Венецианский сенат напомнил московскому государю о его правах на наследие византийского титула. В 1480 и 1490 годах настоящий наследник, Андрей Палеолог, пытался в Москве продать свои права на владение. Получив отказ, он вступил в переговоры с Карлом VIII французским. Но ключ от этого сокровища был в руках Рима: думали, что с помощью его добудут московское войско для борьбы с турками. В 1484 году Сикст IV должен был успокаивать польского короля Казимира, опасавшегося за права своего старшинства в семье славянских государств.

Забываясь более о реальных правах, чем о гипотетических титулах, Иван III отвечал пренебрежительным отказом. Однако проект великого славянского государства, хотя бы и под римским руководством, связывался с вопросом о русских областях, служивших предметом спора между Московией и Польшей. В этой сфере враждебных влияний и притязаний возникали новые дипломатические комбинации. В них укреплялась и принимала определенную форму идея панрусизма [идеология, утверждающая общую русскую идентичность всех восточных славян и отстаивающая идеи их исторического, культурного и политического единства].

В то время когда Андрей Палеолог со своим предложением отправился к другим покупателям, фон Турну, послу императора, великий князь оказал гораздо лучший прием. Он изъявил свое согласие вступить в союз с Максимилианом, чтобы сообща действовать против ислама. Но сначала он желал свести общие исторические счета с Польшей. Не дожидаясь папской буллы, он позволил своим подданным именовать его *царем*. По понятиям православных, этот титул соответствовал императорскому достоинству и был равносильен заявлению требований на византийское наследие. Затем, в 1493 году, собственной властью Иван III присвоил себе титул государя всея Руси, что было равносильно заявлению своих прав на Киев и Вильну.

Это самостоятельное решение великой восточной проблемы подготовлялось еще гораздо раньше. Первыми додумались до этого юго-западные славяне. В XIV веке Душан сербский и Александр болгарский выступили с такими же притязаниями. Они мечтали о завоевании Константинополя и начали с провозглашения

себя царями. В манускриптах того времени мы находим упоминание о новом Царьграде, каким должен был явиться город Тырново. Однако Милюков справедливо замечает, что для осуществления программы национального величия Россия XVI века ожидала побуждения извне, со стороны Западной Европы, как и Россия XVIII века нуждалась во внешнем толчке, чтобы воспринять реформу Петра Великого.

Умирая (1505), Иван III оставил пятерых сыновей; между ними он и разделил свои владения, но вопреки установившемуся обычаю старшему из них, Василию, он оставил не одну, а две трети: всего 66 городов и областей со столицей во главе. Женатый первый раз на боярской дочери Соломониде Юрьевне Сабуровой, Василий не имел от нее детей, что его очень печалило. «Счастливы птицы», — говорил он часто, глядя на птичье гнездо. Волшебство, к которому прибегала его неплодная супруга, оказалось бессильным. В 1525 году Боярская дума предложила ему другое средство, которое без сомнения соответствовало его личным видам: «Смоковница, не приносящая плода, должна быть выброшена из сада». Только один из членов Боярской думы осмелился высказать голос в защиту священных уз брака. Это был обладатель фамилии, которой предстояло занять блестящее место в рядах боярской оппозиции, — Симеон Курбский. Его поддержали из среды духовенства сторонники реформы Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Но это не помешало развязке. Соломонида была заточена в монастырь, а Василий повел к алтарю Елену Глинскую, дочь литовского выходца. Он был очень ею увлечен. Вероятно, и бесплодие Соломониды было только предлогом для развода. После того как московские кня-

зья перестали брать себе жен из владетельных европейских домов, установился обычай устраивать нечто вроде конкурса местных красавиц, среди которых князья и выбирали себе жен со всех концов государства. Интересно, что при втором браке Василия не прибегали к этому обряду.

Красивая, старательно воспитанная, благодаря своему иноземному происхождению, Елена соединяла в себе такие черты, каких Василий не мог бы найти ни у одной русской женщины. После смерти своего отца Василия Львовича Елена рано осталась сиротой. Выросла она под опекой дяди Михаила, старого соратника Альберта Саксонского и императора Максимилиана. Михаил был странствующим рыцарем, в поисках приключений он попал в Италию и даже умудрился принять там католичество. После женитьбы Василия на Елене в Московский Кремль проникают западноевропейские идеи. По свидетельству Герберштейна [барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) — писатель и историк] Василий даже сбрил бороду в угоду своей супруге, что было, можно сказать, настоящей революцией.

«Заволжские старцы» объявили этот брак блудодеянием. Казалось, что и небу не угодно было сделать этот союз более счастливым, чем первый. Стали ходить слухи, что Соломонида родила сына в своем монастыре. Наконец молитвы монаха Пафнутия Боровского, впоследствии признанного в благодарность за услуги, оказанные царскому дому, святым, были услышаны. Елена произвела на свет желанного наследника. Спустя три года, 15 октября 1533 года, она родила второго сына Юрия и вскоре овдовела. Иван III изменил старый порядок престолонаследия, по которому после смерти князя

власть переходила к его братьям. Теперь им принадлежало лишь регентство. Нет оснований полагать, что Василий сделал иное распоряжение. Но Елена недаром происходила из рода авантюристов. Энергичная, честолюбивая, она сумела создать сильную партию и воспользовалась ею, чтобы захватить и удержать в своих руках власть.

Однако Елена допустила двойную ошибку. Она, во-первых, не разделила власти со своим дядей, который, без сомнения, был ловким политиком. С другой стороны, большую часть правительственных полномочий она передала своему фавориту князю Телепневу-Оболенскому, который был лишь смутьяном. Скоро обнаружилось в государстве брожение. Елена заточила в тюрьму своего дядю, а также и Василиева брата Юрия, которые пытались завладеть государственной властью. После этого ей пришлось еще бороться с другим своим деверем, Андреем, не желавшим довольствоваться своим Старицким уделом. Государству грозила междоусобная война. Елена предупредила ее хитростью, поймав в ловушку Андрея. Он также попал в московскую темницу, откуда люди редко выходили. Голод и тяжесть оков ускорили его кончину. Что касается его сторонников, то они, в количестве тридцати душ, качались на виселицах, расставленных по дороге из Москвы в Новгород. Новгород как бы поддерживал Андрея в борьбе с Еленой.

Елена держалась еще несколько лет, в то же время давая отпор внешним врагам, полякам и татарам, соединившимся против нее с целью воспользоваться слабостью ее правления. В 1538 году, как полагают, внутренние враги отравили Елену. Иван осиротел. Власть перешла к боярам, и олигархия сменилась анархией.

Бельск и Рязань, насильственно присоединенные к Московской державе.

Делу младших Рюриковичей, таким образом, угрожала опасность в борьбе, которая с 1538 по 1543 год сделала Москву местом насилия и кровопролития. Только антагонизм между соперничавшими родами Шуйских и Бельских и их жестокое взаимоистребление спасли самого Ивана и сохранили в целости его владения. Однако ему в детстве пришлось пережить ужасные испытания. Опьяненные торжеством победы, Шуйские не знали меры — они опустошали сокровищницу царя, разыгрывая роль полновластных хозяев. После смерти Василия Васильевича во главе Шуйских встал Иван. Он забыл об уважении государя. «Бывало, в моем присутствии кладет обутые в сапоги ноги на постель моего отца», — писал впоследствии Грозный, вспоминая также, что Шуйский раньше ходил в ветхой шубенке, а теперь ест на золоте. «Ясно, что он этого не получил в наследство от своего отца... А мы какой нужды не натерпелись, лишаясь пищи и одежды!» Даже душевных привязанностей молодого государя не щадили. Вслед за кормилицей от него в 1543 году удалили любимца его, Федора Воронцова. Преследуя Воронцова, Шуйские ворвались в одно из помещений кремлевского дворца. Они били его по лицу и угрожали лютой смертью. Только благодаря заступничеству митрополита Воронцов остался жив, но был сослан в Кострому. Впрочем, даже власть митрополита была поколеблена.

При каждом новом перевороте победившая сторона старалась сменить митрополита. В 1539 году на место Даниила Бельские посадили Иосафа. В 1542 году Шуйские снова взяли верх; Иван Бельский был сослан на Белоозеро; его участь должен был разделить и митрополит. Положе-

ние областей было получше. Правление Шуйских в особенности отличалось варварством и беспорядками. Наместники Шуйских вели себя везде, по свидетельству летописцев, «как лютые звери». Исключение представлял только Новгород, где были сторонники Шуйских. Города пустели. Кто мог, спасался бегством. Вызванный еще Василием и поселившийся в России итальянский архитектор Фрязин [Антон Фрязин, настоящее имя — Антонио Джиларди] бежал за границу и как раз в то время, когда должен был заняться устройством укреплений в Себеже. Дерптскому епископу он объяснял свой поступок тем, что бояре делают жизнь на Московской земле совершенно невыносимой. Бельские показали себя более гуманными и разумными правителями. Во время их непродолжительного господства были сделаны некоторые мероприятия, подготовлявшие будущее самоуправление общин. Но как Шуйские, так и Бельские всю злоупотребляли властью.

В то время как государство изнывало под невыносимым гнетом боярской тирании, будущий государь получал печальный урок от окружающих. Благодаря деяниям бояр дух насилия в разных формах овладевал воображением и чувствами юноши, проникал в его плоть и кровь. В атмосфере борьбы за власть вырастал будущий деспот — мстительный, чрезвычайно нервный, вспыльчивый и жестокий. Уже в играх и забавах с товарищами, которых, к слову сказать, ему выбирали другие, Иван проявлял бесчеловечность, царившую, впрочем, в той среде, которая его окружала. На его глазах мучили людей; он пока еще не мог делать этого и ограничивался животными. Огромным удовольствием для него было бросать с высоких теремов дворца собак и смотреть на их предсмертные судороги. Ему не только не мешали предаваться подобным забавам,